

— Характер интеллектуального агента можно изменить? — наконец не выдержал Гейл, поворачиваясь к Валентину.

Валентин скользнул взглядом по Сяо Джи — тот от неожиданности уставился на него, распахнув круглые глаза.

— В нашу эпоху это теоретически невозможно.

— Но ты-то наверняка сможешь? — Гейл твёрдо вознамерился больше ни секунды не терпеть капризы Сяо Джи. Этот вредный характер уже порядком действовал на нервы.

Сяо Джи мгновенно притих, забившись в угол, словно испуганный птенец. Он глядел на Гейла округлившимися, полными мольбы глазами, отчаянно пытаясь вызвать жалость.

Искусственный разум быстро сообразил: Валентин лукавит, способ у него точно есть. А ещё этот человек чертовски безжалостен. В отличие от мягкосердечного Гейла, Валентин никогда не видел в Сяо Джи живое существо. Для него этот надоедливый ИИ оставался лишь набором данных.

Точнее, бесконечной чередой безликих кодов.

Гейл твёрдо решил не поддаваться на уловки.

— Мне довелось какое-то время работать в лаборатории по изучению интеллектуальных агентов, — вздохнул Валентин и ловким движением перехватил Сяо Джи, который уже наострил лыжи к выходу. — У зрелых моделей поведенческие паттерны всё же поддаются тонкой калибровке.

«Почему-то сейчас этого паршивца даже немного жаль...»

Гейл поспешно отвернулся, и в ту же секунду комнату огласил истошный писк Сяо Джи.

«И к чему так орать? Неужели это настолько больно?»

— Вы стираете мою индивидуальность! Это бесчеловечно! — успел взвыть Сяо Джи, перед тем как Валентин безжалостно загнал его в изолированный программный контейнер.

Наступила благословенная тишина.

Гейл с облегчением выдохнул.

Дверь с шипением разошлась, и в комнату стремительно вошла Вивиан. В её руках тускло поблёскивали изящные металлические футляры. Половину из них она небрежно швырнула парням.

— Держите, это ваше!

За все полгода, что они провели в академии, Гейл видел подобные вещицы впервые.

— Что это? — любопытствовал он, вертя в руках коробочку.

Валентин лишь промолчал, выразительно приподняв бровь.

— Ты правда не знаешь? — изумилась Вивиан.

— Без понятия.

— Ой... Похоже, все прошлые коробки перехватывал Валентин... — её голос стал тише. Сообразив, что сболтнула лишнего, она неловко взъерошила волосы и поспешила отступить к выходу: — Ладно, мне пора на лекцию. Бывайте!

Гейл требовательно уставился на Валентина.

Тот выдержал паузу и невозмутимо произнёс:

— Тебе это без надобности.

Гейл лишь вопросительно приподнял бровь.

Валентин поднялся со стула. В свои семнадцать лет он заметно вытянулся, обогнав Гейла почти на полдюйма. Юношеская мягкость черт постепенно сменялась благородной мужественностью, но его изумрудные глаза по-прежнему оставались чистыми и пронзительными. Безупречная осанка, утончённые манеры и превосходное телосложение — он приковывал к себе взгляды без малейших усилий.

Впрочем, Гейл ничуть ему не уступал. Во всей академии Инцюн вряд ли нашлось бы много юношей, способных потягаться с ними в редкой, броской красоте.

— Но если тебе хочется разнообразия... что ж, не буду возражать. Ты уверен, Гейл?

— В чём я должен быть уверен? — Гейл окончательно запутался.

Валентин со щелчком приоткрыл одну из крышек. На внутренней стороне виднелся чей-то сетевой идентификатор и яркий, манящий отпечаток алых губ.

В эту продвинутую эпоху штамповка подобных изящных металлических безделушек занимала считанные секунды. Внутри на мягкой подложке покоилась крошечная, размером с ноготь мизинца, жемчужина. Она была полупрозрачной, нежно-розовой, словно подёрнутой предрассветным туманом, и переливалась тёплым, ласковым светом. Выглядело это невероятно красиво и дорого.

Но даже созерцание этой красоты не прибавило Гейлу понимания.

— И всё же, что это за фокусы?

— Стимулятор, — Валентин тонко улыбнулся. — Дозировка минимальная, рассчитанная на подростков, так что вреда для здоровья никакого. В обществе у этой милой вещицы есть поэтичное название — «Жемчужина любви». А если говорить без обиняков, Гейл, то это прямое предложение переспать.

Гейл онемел.

«Какого чёрта... Да, я знаю, что времена изменились и нравы здесь свободные, но чтобы вот так, среди едва оперившихся подростков... Это вообще нормально?»

Словно прочитав его мысли, Валентин с лёгкой иронией продолжил:

— Гейл, ты ведь вырос в более консервативную эпоху, но наверняка слышал о пубертате. Когда человеческое тело созревает, у него неизбежно возникают определённые потребности. Буйство гормонов, взаимное притяжение — чистая биология. В здоровой близости нет ничего предосудительного. Конечно, Королевская академия Инцюн — элитное заведение, и большинство студентов здесь сутками грызут гранит науки. Но если ты не заиклен на учёбе до умопомрачения, как Вивиан, то небольшая разрядка в постели считается делом самым обыденным.

— ... И ты тоже так развлекаешься? — помолчав, негромко спросил Гейл.

Уголки губ Валентина дрогнули в лукавой улыбке.

— Вовсе нет. Из всех людей, Гейл, я хочу делить постель только с тобой.

Гейл лишился дара речи. Ему ничего не оставалось, кроме как в очередной раз позорно ретироваться.

С каждым днём Гейл с нарастающей тревогой замечал, что его хваленая броня перед Валентином даёт глубокие трещины. Его сопротивление таяло.

Больше всего пугало интуитивное предчувствие: стоит лишь раз уступить и оказаться с Валентином под одним одеялом, как обратной дороги не будет. Он превратится в послушную добычу, навсегда запутавшуюся в искусно расставленных сетях. Из этих объятий ему уже не вырваться до конца своих дней.

Разум и чувства сошлись в глухой схватке. Разум трезво твердил: Валентин — худший кандидат на роль партнёра, не говоря уже о чём-то более серьёзном. В восьмидесяти процентах случаев невозможно даже предугадать, что творится в его гениальной голове. Его единственная страсть — бесконечные научные изыскания, а лучшим досугом он считает копание в запутанных программных кодах и массивах данных, от которых рябит в глазах. Ко всему прочему Валентин язвителен, холоден, помешан на чистоте и страдает от лёгкой формы обсессивного расстройства. Но хуже всего — его пугающая проницательность. Рядом с ним невозможно скрыть ни единого секрета.

Но глупое сердце упрямо толкало его навстречу этой опасности. И с этим ничего нельзя было поделать. Ведь с самой первой секунды его пребывания в этом чужом мире только Валентин всегда оставался рядом, оберегал его и заботился так, как никто другой.

Гейл и сам не заметил, как привык служить для Валентина живым снотворным. Хотя в последнее время он всё же избегал засыпать в одной постели.

Он банально боялся переступить черту. После того как однажды утром они увлеклись и зацеловались до полурасдетого состояния, Гейл больше не доверял собственной выдержке.

За полгода пребывания в Королевской академии Инцюн Гейл успел досконально изучить это место. Здешний факультет мех разительно отличался от его родного отделения в Освильде. Прежде всего — масштабами. Студентов в Инцюн было вдвое больше, а тренировочные полигоны поражали роскошью. К услугам курсантов предоставлялись сразу семь симуляционных залов, работающих одновременно, тогда как в Освильде с трудом могли запустить хотя бы два.

Содержание подобного оборудования требовало астрономических сумм, и только баснословно богатая Инцюн могла позволить себе подобные траты без ущерба для бюджета.

Местные пейзажи отличались завораживающей красотой, поэтому Гейл часто ходил на занятия пешком. Несмотря на безупречно работающую транспортную систему, любителей пеших прогулок в академии хватало. Курсанты Освильда вечно куда-то спешили со смурным видом, здесь же, вопреки жесточайшим стандартам обучения, на тенистых аллеях постоянно можно было встретить празднично гуляющих студентов.

Учёба требовала полной отдачи, но неспешный шаг служил отличной психологической разрядкой. В конце концов, умение вовремя ослабить поводья — залог долгой и продуктивной работы.

Даже в стенах этого безмятежного рая периодически отголосками гремело эхо далёкой войны. Противостояние Галактики Млечный Путь и Галактики Юньхуэй с Галактикой Цанлань зашло в глухой тупик. Как и предсказывали аналитики Инцюн, конфликт перерос в затяжную, изнурительную войну на истощение. От этих сводок у Гейла на душе становилось невыносимо тяжело.

Любое вооружённое столкновение высасывает колоссальные ресурсы, а масштабы межзвёздного конфликта и вовсе оборачиваются астрономическими потерями для всех участников. Продолжение этой бессмысленной бойни не сулило выгоды ни одной из воюющих сторон.

Единственной, кто потирал руки от предвкушения колоссального куша, оставалась нейтральная Галактика Инцюн во главе с кукловодом Хосеном.

По пути на очередную лекцию Гейл столкнулся с Сюэ Вэньсы. За прошедшие полгода эта девушка едва ли перемолвилась с ним парой слов, но, поскольку они оба учились на одном курсе факультета мех, их встреча на узкой аллее не была чем-то из ряда вон выходящим.

— Ты уже знаешь? — негромко спросила она, поравнявшись с ним.

Гейл опешил. Прежде эта гордячка при каждой встрече демонстрировала ему крайнюю степень презрения, всем своим видом показывая нежелание общаться. С чего вдруг такая перемена?

— О чём именно? — вежливо отозвался он. Всё-таки они были земляками. Проучившись в Освильде всего год, Гейл неожиданно для себя успел привязаться к этому суровому месту, а потому не стал демонстрировать характер.

Сюэ Вэньсы долго молчала, прежде чем выдавить из себя:

— Три дня назад на фронте в секторе Кольцри... Девятый батальон пятой армии Легиона Серебряной Звезды попал в окружение. Погибли все, включая командующего. Полный разгром.

В затяжной позиционной войне поражения чередовались с победами, и Гейл, разумеется, уже читал сводки. Вивриан тоже упоминала об этом вчера за ужином с тяжёлым вздохом.

— Да, я слышал, — тихо кивнул он. Лишь сейчас он заметил, что глаза девушки покраснели от слёз.

— Мой старший брат... — её голос предательски дрогнул и сорвался на сип, — он был заместителем командира этого батальона.

Они молча пошли дальше по аллее. Прошло несколько долгих минут, прежде чем Гейл негромко произнёс:

— Прими мои соболезнования.

— Спасибо, — отозвалась она, уставившись под ноги.

В такие минуты человеку просто жизненно необходимо выговориться кому-то близкому, тому, кто поймёт без лишних слов. И в этот момент на её пути оказался именно Гейл.

Забыв былые разногласия и обиды, Сюэ Вэньсы изо всех сил закусил губу, стараясь сдержать подступающие рыдания. Двенадцать студентов-обменников не жили в одном общежитии. Две соседки Сюэ Вэньсы по комнате были коренными жительницами Инцюн. Они хорошо ладили, но поделиться с ними своей болью девушка не могла.

Только сейчас она осознала: как бы сильно ни раздражал её Гейл прежде, он был своим. Беззаботные, изнеженные миром студенты Инцюн никогда не поймут, что такое похоронка из зоны боевых действий. Для них ужасы войны оставались лишь абстрактными строчками новостей, неспособными нарушить их сытый покой.

В аудитории, куда они вошли, повсюду гремел весёлый смех — кто-то как раз отпустил удачную шутку. Сюэ Вэньсы поспешно отвела взгляд, пряча лицо, и Гейл с тоской почувствовал, насколько они чужие на этом празднике жизни. Здешнее веселье казалось ему фальшивым и неуместным.

В Освильде его тоже недолюбливали, строили козни и порой откровенно желали навредить. Но там всё было честно, без прикрас. А здесь... В Инцюн его окружала стена ледяной, стерильной вежливости. Одноклассники держали дистанцию с неизменной улыбкой на губах.

Они умудрялись превратить изоляцию в светский этикет.

И от этого на душе становилось только паршивее.

Началась лекция. Преподаватели Инцюн относились к ним с неизменным равнодушием. После того памятного полёта на боевом корабле над куполом академии они заработали глухую ненависть всего кампуса. Ждать дружелюбия от профессуры не приходилось, хотя открыто их никто не притеснял. Их просто не замечали, обдавая вежливым холодом.

Даже такой покладистый и терпеливый парень, как Гейл, за полгода так и не смог прижиться в этой чуждой среде. В подобной атмосфере учиться не хотелось совершенно.

— Мне известно, что некоторые из вас неплохо проявили себя на турнире мех, — вещал с кафедры профессор Лулуа. — Нашим курсантам полезно участвовать в подобных состязаниях. И пусть виртуальные симуляции далеки от реальных боевых столкновений, они помогают развить тактическое чутьё, почувствовать динамику боя и применить полученные в этих стенах знания на практике...

Гейл слушал его вполуха, размышляя о более приземлённых вещах — например, не пора ли обновить меню в их небольшом виртуальном ресторанчике в Звёздной сети.

—... Кажется, лучший результат среди наших сейчас у Чжао Чунцзюня? Превосходный дебют в круговом этапе, если не ошибаюсь, он вошёл в топ-50, — продолжал профессор Лулуа.

Для первокурсников, выступающих в статусе новичков, пробиться в круговой тур и занять место в первой полусотне — достижение колоссальное, заслуживающее всяческих похвал.

Подперев щеку рукой, Гейл лениво пропускал восторженные речи профессора мимо ушей.

— Прошу слова!

Неожиданно с места поднялась Сюэ Вэньсы, сидевшая неподалёку.

Сказалась строгая выправка элитной военной школы: её спина была натянута как струна, а во взгляде читалась холодная решимость.

От её резкого, звонкого окрика Гейл даже вздрогнул.

В аудитории мгновенно воцарилась мёртвая тишина.

Прерванный на полуслове профессор Лулуа недовольно нахмурился:

— В чём дело, курсант Сюэ?

— Профессор, вы допустили неточность в своих выводах, — её голос прозвучал твёрдо и отчётливо. — Лучший результат на турнире принадлежит вовсе не Чжао Чунцзюню. Верхнюю строчку рейтинга занимает Гейл, студент по обмену из Высшей школы Освильд! В круговом туре он одержал двадцать шесть побед подряд и сейчас делит первое место в общем зачёте!

Круговой этап только перешагнул экватор. Результат Гейла уже вошёл в тройку лучших за всю историю турнира среди новичков, но пока не вызывал широкого резонанса. На ранних стадиях лидерство часто делили десятки пилотов, и лишь со временем отрыв становился очевидным.

На старте делить триумф с Гейлом могли около сорока претендентов, но к сегодняшнему дню их число сократилось до шести.

Слова Сюэ Вэньсы прозвучали подобно разорвавшемуся снаряду, заставив притихнуть всю аудиторию. Студенты прекрасно знали о триумфах Гейла на арене, но упорно игнорировали этот факт. Никто здесь не считал его полноценным сокурсником.

Чужак остаётся чужаком — в Инцюн никогда не было принято принимать пришельцев в свой круг.

Лицо профессора Лулуа на мгновение потемнело, но он быстро вернул маску невозмутимости и сухо произнёс:

— Признаю свою ошибку, курсант Сюэ. Ваше замечание справедливо.

Гейл почувствовал себя крайне неловко. Но прежде чем он успел сказать хоть слово, профессор Лулуа внезапно расплылся в благожелательной, почти отеческой улыбке:

— Впрочем, успехи курсанта Гейла действительно заслуживают уважения. Если вы сумеете удержать планку и завоюете чемпионский титул, я лично походатайствую о награждении вас почётным орденом академии.

Королевская академия Инцюн ежегодно раздавала немало наград, но они никогда не были дешёвой мишурой. За каждым знаком отличия стояли солидное денежное вознаграждение и внушительные баллы к общему рейтингу, которые здешние студенты выгрызали зубами. Неудивительно, что в ту же секунду Гейла обожгли десятки завистливых, раздражённых и в то же время жадных взглядов.

В голове Гейла зашевелились смутные подозрения. За неполные полгода он, Валентин, Вивиан, Ходжсон и даже Сюэ Вэньсы умудрились собрать уже по меньшей мере три престижные награды на брата.

За показным равнодушием скрывалась странная, пугающая щедрость. Руководство Инцюн буквально осыпало выходцев из Освильда благами, но эта забота отдавала гнильцой.

При этом за все шесть месяцев Гейл ни разу не переступил порог симуляционного зала во время практических занятий.

Их не учили. Их целенаправленно лишали доступа к реальным тренировкам, маскируя этот тихий саботаж блестящими медалями и грамотами.

Поначалу он списывал этот аттракцион невиданной щедрости на попытку загладить вину за трагическую гибель Юй Фэйвэня. Но теперь становилось очевидно: дело куда глубже и

грязнее.

Развивать эту тему Гейл не стал и до конца пары притворялся деталью интерьера. На практических занятиях по управлению мехами он давно стал невидимкой, чьё присутствие профессор Лулуа старательно игнорировал.

Как только прозвенел сигнал об окончании занятий, они с Сюэ Вэньсы первыми покинули аудиторию. Гейл скользнул взглядом по её лицу и замер: по бледной щеке девушки катилась слеза.

Он невольно растерялся — эта девчонка всегда славилась стальным характером и непрошибаемым упрямством.

— Хочу домой, — сипло выдавила Сюэ Вэньсы, кусая губы. — До смерти хочу обратно, в Освильд.

Гейл тяжело вздохнул и негромко обронил:

— Я тоже. Очень хочу вернуться.

Когда они только летели сюда, их сердца были полны радужных надежд. Величественные шпили Королевской академии Инцюн, отражающиеся в зеркальной глади искусственных озёр, казались им порогом в прекрасное будущее.

Но этот блестящий фасад оказался лишь ледяным склепом, выстудившим их души до самого дна.

«Война не должна беспокоить будущую элиту».

Пожалуй, это было главным девизом академии. Если не считать нелепой гибели Юй Фэйвэня на старте, Инцюн окружала их почти материнской заботой. Всё было чинно, благородно, безукоризненно вежливо.

Вот только от этой заботы веяло могильным холодом.

И всё же им приходилось терпеть. Сжимать зубы и вычеркивать день за днём из календаря.

Общая беда сплотила одиннадцать оставшихся курсантов Освильда. Даже высокомерный Ирис поумерил свой пыл и стал вести себя куда дружелюбнее. Единственным исключением оставался вечный конфликт Буниля с его единокровным братом Уинстоном — эти двое по-прежнему не выносили друг друга, хотя со всеми остальными держались вполне достойно.

Время в изоляции тянулось невыносимо медленно.

Гейл с головой ушёл в турнирные сражения. Только в яростных схватках на арене он мог дать выход скопившемуся внутри раздражению и глухой тоске.

Вскоре круговой этап подошёл к концу. Гейл сохранил лидерство и вместе с двумя другими пилотами вышел в финальный раунд чемпионов. Вивиан же, к сожалению, выбыла из борьбы за титул, остановившись на пятьдесят девятой строчке.

Масштаб финального раунда не шёл ни в какое сравнение с первыми этапами. Здесь больше не было параллельных поединков — всё внимание многомиллионной аудитории теперь было приковано к одной-единственной арене.

Гейлу предстояло провести свой первый решающий бой.

Перед самым стартом Валентин мягко коснулся губами его губ.

— Покажи им, на что способен, Гейл.

Подобная нежность давно перестала пугать Гейла.

— Не сомневайся, Валентин.

<http://bllate.org/book/19793/2000909>